

Панченко Андрей Алексеевич

Выжить

УДК 82-312.9
ББК 84-445
П16

Панченко А. А.

П16 Выжить / Андрей Алексеевич Панченко. – М.: Литнет, 2026. – 224 с.

ISBN 978-5-524-00893-0

Он не герой и не бандит. Он просто человек, которому жизнь всё время подкидывает проблемы. Тюрьма, одиночество, враги, армия, странная служба и люди, которым нельзя до конца доверять. Он не собирался никого спасать и ничего менять. Он просто хотел спокойно жить. Но иногда, чтобы спокойно жить, приходится отстаивать это право в драке, а иногда и с оружием в руках.

Книга о выживании, мужской дружбе, ошибках и о том, что жизнь редко даёт второй шанс просто так. Его приходится вырывать самому.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00893-0

© Литнет, 2026

© Панченко А. А., 2026

1

– Ну Лёха, ну удружил. Чего ты там своей Кате наговорил, что она меня так подставила? – Я бурчал себе под нос проклятия на голову прапорщика и его подруги – Ну почему, почему это всё со мной происходит?!

Молодой лейтенант дрых без задних ног на боковом сидении под гул самолета, у его ног валялся рюкзак и опечатанный портфель, с нашими личными делами, а я сидел напротив, проклиная свою судьбу. Летёха был скорее всего с бодуна, весь помятый, да и вообще, выглядел не очень-то презентабельно. Обычная полевая форма сидела на его поджаром теле как балетная пачка на корове. Полушерстяной китель был выгоревший на солнце, из-под воротничка виден когда-то белый, а теперь грязно-серый подворотничок. На воротнике – криво посаженные черные петлицы с эмблемами: скрещенный ключ и молоток на фоне шестерни. Офицерские сапоги все в пыли. За свой внешний вид он не особо то и переживал, да и что взять со стройбатовца...

Да, никакого тебе Серега ВДВ или спецназа, как пророчил Лёха, лечу я служить в стройбат. Я, и ещё один понурый парень, которого по каким-то не понятным критерия отодрал себе лейтенант. Остальные бывшие абитуриенты, не поступившие в военное училище, отправились служить в Фергану, в десант.

Что и как происходило в военкомате, что делал Ильич и Лёха, я так толком и не понял. Меня отвели в накопитель сборного пункта, где я и провел больше суток, из которых часов двенадцать просто дрых. Кроватей естественно там ни каких не было, но я вполне удобно устроился на деревянной скамейке, которых в накопителе было полно, и вполне прилично выспался, даже не смотря на отсутствие мягкого матраца и подушки.

Бывшие абитуриенты, с вопросами ко мне не лезли, у всех шестерых настроение было похоронное. Кто-то сидел молча, чуть-ли

не со слезами на глазах, другие, видимо найдя в собеседнике родственную душу, наперебой жаловались друг другу на несправедливость приемной комиссии, но самое главное, меня никто не трогал.

Никто не бухал, как это обычно показывают в кино, ни каких толп родственников у ворот не провожало пацанов в армию – на сборном пункте всё было тихо и уныло.

Отправив меня в этот рассадник тоски и печали, Ильич с Лёхой как будто попросту забыли про меня. Увидел я их только на следующий день, когда в накопитель заявились «покупатели».

Это были два лейтенанта, но отличались они друг от друга разительно, как Феррари от Запорожца. Двухметровый амбал в чистенькой и новенькой «афганке», с выглядывавшей из-под куртки тельняшкой, был бодр и весел, ну и этот вот летёха, что сидит сейчас напротив, с мордой лица, как будто ему этот миру же давно стал понятен, и ничего хорошего он от него не ждет.

Нас по очереди дергали в маленький кабинет, расположенный прямо в накопителе, где эти двое с нами и беседовали. Первым, как ни трудно было догадаться, призывников себе отбирал офицер десанта.

Когда наступила моя очередь предстать перед первым покупателем, я зашел в кабинет, и молча уставился на здоровяка, с трудом сдержав рефлекс, назвать себя осужденным, свою фамилию, статью и срок. Я даже потерялся на мгновение, вспоминая как правильно здороваться. Впрочем, лейтенант видимо привык к тупости призывников, и на это не обиделся.

– Сергей Серёгин? Красавец! – Оглядев меня с ног до головы, хохотнул здоровяк – Не морда, а светофор. Тут красная, там жёлтая, а в общем зеленая. С кем подрался-то?

– Упал неудачно – Не стал ничего оригинального придумывать я.

– Ага, упал... мордой об асфальт, и так двенадцать раз. – Снова рассмеялся десантник, но в его голосе явственно послышалось одобрение того, что я не стал жаловаться и оправдываться – Хре-

ново у тебя с координацией тогда выходит боец. Хотя вот тут у тебя категория А1 стоит. Годен к строевой без ограничений. Ошиблись врачи что ли? Куда же ты годен, если ты даже от асфальта отбиться не можешь?

Я взглянул на стол, куда лейтенант тыкал пальцем, и увидел там семь тонких папок личных дел. На каждом из них стоял штамп «годен к службе в СпН/ВДВ» и категория здоровья «А1».

– Асфальт разный бывает – Пожал я плечами – Где мягкий, где твёрдый, ну или как у меня, не на дороге лежащий, а в лопате.

Лейтенант усмехнулся, откинулся на спинку стула и ещё раз внимательно на меня посмотрел. Не на морду уже, а как-то в целом. Будто не призывника перед собой видел, а вещь какую-то, которую примеряют – брать или не брать.

– Драться умеешь? – спросил он неожиданно.

– Не жаловались, – осторожно ответил я.

– Спортом занимался?

– Как все, на физкультуре в школе и в ПТУ – криво усмехнулся я.

Он вздохнул, потом полистал моё личное дело, и поднял на меня удивленный взгляд.

– В школе? На физкультуре? Ну-ну.. юморист. Понятно теперь, что у тебя с рожей. Но что не хвастаешься, молодец конечно. Так... Судимостей нет... – пробормотал он. – Характеристика... нормальная. Учился... столяр?

– Столяр, – подтвердил я, так и не поняв, чего это он.

Он закрыл папку, постучал по ней пальцем и вдруг спросил:

– Высоты боишься?

– Нет.

– Плавать умеешь?

– Умею.

– В темноте ориентируешься? Я пожал плечами.

– Если не в подвале без окон, то ориентируюсь. Лейтенант хмыкнул.

– Ночью по лесу когда-нибудь ходил?

– Ходил.

Он ещё пару секунд смотрел на меня, потом вдруг махнул рукой.

– Ладно. Иди пока. Позовём.

Я вышел из кабинета и сел на лавку. Остальные смотрели на меня, как на человека, который вернулся с допроса. Я только плечами пожал. Сам не понял, что это вообще было.

Минут через двадцать меня снова вызвали. На этот раз в кабинете сидел только второй лейтенант – тот самый, помятый. Он сидел, развалившись на стуле, пил чай из гранёного стакана и выглядел так, будто ему вообще всё это до лампочки. Он даже голову не сразу поднял, когда я зашёл.

– Фамилия? – спросил он, глядя в личное дело. Я назвал. Он пролистал бумаги, хмыкнул.

– ПТУ... столяр... Разряд есть?

– Третий.

– Работал по специальности?

– На практике. Окна, двери, мебель, опалубку делали. Он кивнул.

– С топором и лопатой как обращаешься?

– Продвинутый пользователь. – Выдохнул я – Я столяр, с инструментами обращается умею.

– И пилу править умеешь?

– Умею.

– Если дадут инструмент и скажут за день замаскировать что-нибудь? Чтобы с воздуха не видно было? Сможешь?

Я даже не сразу понял вопрос.

– В смысле?

– Ну, допустим, есть техника. Надо сделать, чтобы её сверху не заметили. Что делать будешь?

Я почесал затылок.

– Ну... сетку натянуть, ветками закидать, землю раскидать, следы затереть... Как-то так.

Он молча кивнул. Потом снова:

– Верёвки вязать умеешь?

– Узлы разные? Умею.

– Скот резал когда ни будь? Барана, свинью, корову? Крови боишься?

– Меня в армию призывают, или на скотобойню рабочим берут? – Удивился я.

– Ну допустим приходилось всякую живность под нож пускать. Крови не боюсь. Это вообще зачем вам надо?

Он впервые улыбнулся. Улыбка была короткая и какая-то злая.

– В армии, боец, всё может пригодиться. Особенно тем, кто руками работать умеет. Особенно у нас, в стройбате. И твое дело сейчас просто отвечать на вопросы, а не задавать свои. Понял? – Он закрыл папку, написал что-то на обложке и сказал – Всё. Свободен.

Я вышел из кабинета ещё более озадаченный, чем после десантника. Сажу на лавке и думаю. Один спрашивает про лес ночью, второй – про маскировку и как баранов резать. Может, у них там стройка где-нибудь в тайге, и они себе плотников-охотников набирают?

Через час объявили построение, и нас уже распределили окончательно. Меня и того второго понурого парня забрал этот самый помятый лейтенант стройбата. Большинство бывших абитуриентов, глядя на нас двоих, даже духом воспряли, на лицах появились робкие улыбки, а при взгляде на нас – жалость. Они в ВДВ попали, а не в стройбат, уже есть повод для радости, оказывается, не всё у них так плохо, как могло бы быть. Мой собрат по несчастью, парень с именем Максим, казалось сейчас зубы сотрет, от того как он сжимал челюсть. Аж скулы побледнели, но надо отдать ему должное, никого просить и умолять о том, чтобы его перевели в другую команду, он не стал. Только всё равно видно было, что такой поворот событий для парня огромный стресс, и жуткая несправедливость.

– Ну давай Серега, пока, служи хорошо, не подведи меня. – Перед самым отъездом из сборного пункта, когда нас грузили в потре-

панный УАЗик, из своей норы наконец-то выполз Ильич. – Я сделал всё что мог, дальше всё от тебя зависит.

Вид у подполковника тоже был – краше в гроб кладут. Синяки под глазами, опухший, перегар как у дракона, глаза красные. Не спал толком бедолага, отмечал, наверное, что избавился от проблемы в моем лице. Лёха, который держался за его спиной, тоже смотрелся не лучше.

– Да, повезло тебе Серёга. – Поддержал своего начальника прапорщик. – Не каждому в этой части служить выпадает, это как лотерейный билет вытащить. Тяжело тебе правда там будет, с твоим-то характером.

– Вы чего, издеваетесь? – Начал тихо звереть я. Они с чем меня поздравляют, что на два года меня на каторгу отправили? В стройбат? – Вы это везением называете?

– Ничего, ты парень крепкий, втянешься – Отмахнулся Ильич – Понятно, что будет не просто, это всё же не мотострелки какие-нибудь, это куда как серьёзнее, и я рад, что ты это осознаешь и понимаешь. Через два года другим человеком вернёшься. Настоящим мужиком.

– Да ну вас к чёрту! – С трудом сдерживаясь, чтобы не врезать по этим пропитым розам, выдохнул я. – Спасибо и низкий вам поклон. Помогли от всей души, век вам благодарен буду!

– Ладно, сочтемся. Не благодари. – не понял моего тона Ильич, и хлопнул меня по плечу – Беги давай. Покупатель твой тебя уже жаждался.

И вот теперь я лечу в пассажирском отсеке АН-12, проклиная свою судьбу и друзей военных, которым снова доверился и которые снова меня подвели.

Самолёт гудел так, что разговаривать можно было только крича или наклонившись близко к собеседнику. Внутри пахло керосином, металлом, пылью и чем-то ещё, военным, специфическим. Мы сидели на боковых лавках, спиной к борту. Посередине – какие-то ящики, тюки, брезент, сетки. Настоящий грузовик, только с крыльями.

Лейтенант напротив спал, уронив голову на грудь. Его качало на турбулентности, но он даже не просыпался. Видно, человек умел спать где угодно.

Максим сидел рядом со мной, молчал. Он с самого сборного пункта почти не разговаривал. Только один раз спросил:

– Ты откуда?

– Из области, – ответил я.

– Понятно, – сказал он и замолчал.

И всё. Больше мы почти не говорили. Каждый переваривал своё.

Я сидел, смотрел на спящего лейтенанта и думал, что жизнь у меня какая-то странная. Куда ни поверни – всё равно куда-то не туда заносит. Хотел же просто тихо жить, работать... И вроде же всё почти сделал, чтобы прошлую жизнь не повторить, ан нет, хрен тебе Серёга. Даже в кабинете у Ильича, когда он мне про службу говорил, я думал, что армия – это может и не плохо вовсе. Ага. Не плохо... Стройбат. Даже слово само по себе звучало как приговор.

Я представлял себе какие-нибудь бесконечные стройки, грязь по колено, бетон, лопата, лом, холод, снег и дождь, дедовщина, наряды, и два года этой каторги. И всё благодаря этим двум военным благодетелям – Ильичу и Лёхе.

«Повезло тебе, Серёга... Лотерейный билет...»

Я аж зубами скрипнул. Вот бы сейчас снять с них погоны со звездами, сюда, на эту лавку, рядом со мной посадить, и спросить, повезло им или нет.

Самолёт слегка трянуло, где-то что-то лязгнуло. Лейтенант напротив открыл глаза, мутно посмотрел вокруг, достал флягу, сделал глоток, поморщился и протянул мне.

– Будешь?

Я понюхал. Вода. Тёплая, с привкусом алюминия.

– Буду.

Я сделал пару глотков и вернул флягу. Он ещё немного посидел, посмотрел на нас с Максимом, потом сказал:

– Чего с кислыми мордами сидите? В стройбат попали, не на Колыму. Мы с Максимом переглянулись, но промолчали. Лейтенант усмехнулся.

– Думаете, копать будете с утра до вечера?

– А что, нет? – не удержался я.

Он посмотрел на меня внимательно. Не так, как раньше – лениво, а как-то очень внимательно. Потом снова стал обычным помятым летёхой и издевательски усмехнулся.

– А херли вы хотели бойцы? В хлебрезке отсидеться? Будете, и не только копать – сказал он. – У нас как в ВДВ, никто кроме нас.

И снова закрыл глаза. Засранец... ещё и злорадствует, падла! Я медленно выдохнул, сдерживаясь. Привыкай Серега, теперь тебе с такими моральными уродами два года служить... В какой-то момент я поймал себя на мысли, что злость постепенно уходит, а вместо неё приходит какая-то пустота. Вот как будто ты долго-долго ругался, злился, сопротивлялся, а потом понял – бесполезно. Всё равно будет так, как будет.

Я прислонился затылком к холодному борту самолёта, закрыл глаза и начал думать уже не про Ильича и не про стройбат. Я думал, что, может, и правда через два года вернусь другим человеком. Только вот каким...

Максим, сидевший рядом, вдруг ткнул меня в плечо, и наклонившись к самому моему уху, зашептал, почти не открывая рта, чтобы лейтенант не услышал:

– Слушай... а тебе не кажется, что это какой-то странный стройбат?

– В смысле? – так же тихо ответил я.

– Ну не знаю... – он пожал плечами. – Меня он спрашивали не про стройку. Про мои разряды по спортивному ориентированию и стрельбе... И этот лейтенант... он на стройбатовца не похож.

Я посмотрел на спящего напротив офицера. Помятый китель. Кривые петлицы. Пыльные сапоги. Небритая морда. Спит в самолёте, как мешок с картошкой.